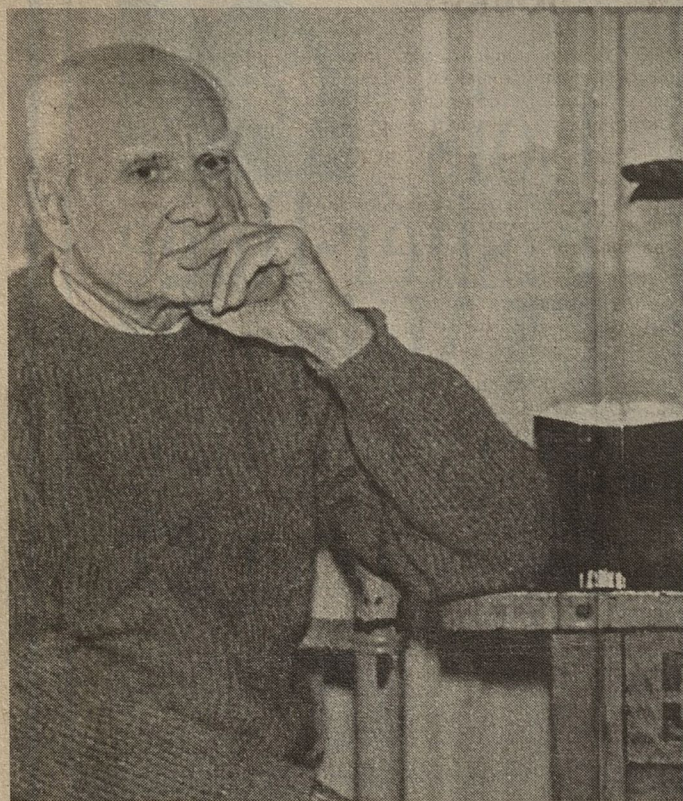

Моравиа А.

17/01/83

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Альберто Моравиа: о себе и о других

Излишне говорить о том, как широко известно в нашей стране имя крупнейшего итальянского прозаика Альберто Моравиа. Недавно он побывал в Москве, где принимал участие в съемках документального фильма. Мы попросили профессора, сотрудника Центра связи с зарубежными странами в Вероне Антонио ФАЛЛИКО побывать у Альберто МОРАВИА и от имени «Советской культуры» задать ему несколько вопросов:

ПАСМУРНЫМ днем в назначенный час я иду к Альберто Моравиа, который ждет меня в своей прекрасной квартире на набережной. Встречает на пороге — я даже не успел постучать. Любезно проводит в свой кабинет — строгую, полную воздуха комнату, где все дышит живым творчеством — такая здесь удивительная атмосфера. Поражает неизменная, постоянная расположенность писателя к диалогу, беседе.

Итог Вашей последней поездки в Москву: о чем будет рассказывать фильм, который Вы сняли? Кто и как в советской столице выбирал темы, места съемки? Какие у Вас были интересные встречи, события, беседы? Что Вы можете сказать о перестройке теперь, после того, как увидели ее своими глазами?

Фильм о Москве снимался по заказу итальянского Рай-ТВ-Радио-Телевидения. Режиссер этой документальной ленты — Джанни Барчеллони, с которым я снимал другие картины, например документальный фильм

об Эфиопии. Места съемок, люди, с которыми мы встречались, Джанни Барчеллони выбрал сам во время своей поездки в Москву еще до того, как мы отправились туда вместе, возможно, он обращался к Министерству культуры СССР, точно не знаю. Фильм рассказывает самые разные вещи. Я тоже время от времени появляюсь в кадре, вроде как бы актер, и по ходу действия что-то говорю. В частности, когда идут кадры о Мавзолее Ленина, о могиле Пастернака, о могиле Есенина. Воспроизведены также две мои беседы: одна — с заместителем министра иностранных дел, вторая — с министром культуры СССР.

Что касается перестройки, о ней больше узнал из разговоров с самыми разными людьми, от них я слышал о том новом, что происходит в Москве и других советских городах. И хотя, я повторяю, в Советском Союзе, по крайней мере в Москве, не произошло каких-либо существ-

венных изменений по сравнению с тем, что я видел здесь два-три года назад, на меня произвела большое впечатление та свобода, с которой теперь разговаривают люди, официальные представители, а также искренний тон газетных выступлений. Это мне хотелось подчеркнуть.

В Москве Вас интересовало все то, что связано с именем Бориса Пастернака. Как Вы лично относитесь к этому советскому писателю и поэту?

Я прежде всего посетил дом Пастернака, где сейчас никто не живет, но где, как мне сказали, будет создан его музей.

У Пастернака я знаю прежде всего роман «Доктор Живаго». В 1956 году, когда я был в Советском Союзе, то ездил к нему на дачу — он пригласил меня на завтрак. Помню, я спросил, что он пишет. Пастернак ответил, что пишет роман об одном враче, о его жизни. Это и был «Доктор Живаго». В тот раз мне показалось, что писатель был удручен нападениями, которым подвергался со стороны своих коллег-сталинистов.

Я думаю, что роман «Доктор Живаго» — прекрасное и значительное произведение. Значительное не потому, что он, этот роман, отразил то важное для России время, а потому, что показал, как думали, что чувствовали в те годы люди.

Главный герой Вашего последнего романа — молодой человек по имени Марио. Он возвращается домой в Рим к отцу из Пармиды, где жил с матерью, потому что мать умерла. Образ матери преследует Марио. Женщины, которых он встречает, напоминают ему мать. В конце концов молодой человек бежит из Рима. Не утверждает ли Вы этим, что сегодняшняя молодая женщина потеряла способности к богатой эмоциональной жизни за исключением, если можно так выразиться, «сентиментальной области», где царствует лишь эротика как наваждение, как проклятие. Именно эротика, а не любовь как высший дар, как благословение, смысл и радость жизни. Любовь, которая дает человеку силу, энергию, вдохновение?

Вот что я об этом думаю: после того как в мире произошла сексуальная революция, распространился психоанализ, люди, произнося слово «секс», подразумевают также и любовь, и наоборот. Другими словами, современный мир более реалистичен и менее романтичен, чем мир XVIII века. Под словом «секс» следует подразумевать также и некие духов-

ные понятия, а именно то, что поднимает человеческую душу, дает ей силу, мужество, способность воспринимать идею и рождать их. Поэтому эротику бранить не надо, не следует плохо думать об этом плане человеческих отношений. Эротизм, эротика — важный аспект нашей жизни, без этого не было бы ничего, не было бы и нас. Мы рождаемся из эротики.

Считаете ли Вы, что семья в ее традиционном понимании больше не существует? Такое ощущение остается от Ваших последних произведений. Повсюду женщина представляется злой, разрушительной силой. Мать Марио, которая постоянно изменяла мужу, морально «отравила» не только собственного сына, но и своего супруга.

Я не согласен с такой интерпретацией моей книги. Мою книгу я писал, думаю, о двух вещах: о трудности образовывать семью и о трудности жить в семье. Мне кажется, что показать это удалось. Однако сказанное вовсе не значит, что семьи больше не существует. Наоборот, она существует, и заменить ее чем-либо очень трудно. Я хотел только сказать, что от Софокла и до наших дней семья всегда была местом трагедий, драм, споров. Об этом рассказывает вся литература, она — свидетельство настоящего положения семьи. Почему так происходит? Потому что семья — это тот самый микромир, то самое ядро, в котором на маленьком «пространстве» с участием небольшого числа действующих лиц «пронгравываются» социальные принципы и модели естественных людских отношений. Именно в семье люди различных возрастов должны найти модель социального сосуществования. И несмотря на то, что они разные и принадлежат к разным возрастам, они не должны желать друг друга. То есть семья обязательно родится из табу, табу инцеста. Именно здесь одна из причин противоречий, драм и всего того, что одни называют подсознанием, а другие, наоборот, — сознательными мотивами поведения.

Исходя из этого рассуждения, понятно, почему писатели частенько избирают объектом своего творчества именно семью, почему их произведения могут носить драматический характер. Драма вовсе не значит декаданс, упадок, наоборот, часто дра-

ма — это выражение самой жизненной тенденции.

Герои Ваших ранних произведений, которые знают и любят в нашей стране, были, как у нас говорят, «из народа». Достаточно вспомнить хотя бы «Чочару». Главные же действующие лица Ваших последних сочинений — это, как у нас говорят, выходцы из интеллигенции. Вот и Марио — поэт, поклонник Аполлинера. Вы считаете, что только интеллигалы могут быть носителями того сложного психологического комплекса, затронуть который Вы решились?

Я довольно пожилой писатель, печатаюсь уже 60 лет, не пишу, а именно печатаюсь. В моем творчестве было несколько периодов. Они соответствуют разным этапам развития западного общества. Первые мои романы чисты, целомудренны, и потому их в Советском Союзе переводили, а начиная с 1960 года их перестали переводить на русский язык, потому что в них говорится о сексе. Но ведь за последние десятилетия мир продвинулся вперед. Мой роман «Равнодушные» был опубликован в 1929 году, когда на Западе о некоторых вещах не говорили, их не показывали.

Я и сам очень изменился с тех пор, когда была написана «Чочара» и «Равнодушные», и даже со времен «Римлянки». Язык моих произведений стал более свободным в том смысле, что я приспособился к более свободному языку современного мира, к более свободным нравам.

Огромна разница между Моравиа — романистом и Моравиа — общественным деятелем. Создается впечатление, что герои Ваших последних произведений живут вне реальной жизни, вне ее жгучих, порой жестоких проблем, дышат только эмоциями и драмами. А вот Моравиа — общественный деятель очень озабочен проблемой сохранения мира, выступает против ядерного оружия. Некоторое время назад итальянская периодическая печать опубликовала серию интервью с крупнейшими политическими деятелями, которые Вы сделали, выезжая полмира.

Я никогда не менял своих привязанностей. Возьмем, например, мою книгу «Равнодушные», с которой началась моя писательская деятельность. В этом романе совершенно не говорится о фашизме, а город Рим как место действия даже не называется. И тем не менее это сочинение отражает бунт. Бунт против безразличия. А это то же самое, что бунт против атомной войны, против атомной бомбы, против

инстинкта смерти, которым в западном обществе напоено все. Итак, для меня атомная бомба и безразличие — это разные формы самоуничтожения. Что касается моей творческой работы и участия в общественной жизни, то оба эти вида деятельности не очень-то друг от друга отличаются. Да, иногда я создаю произведения, в которых отражены совершенно «частные» эмоции — например, роман «Путешествие в Рим», где все сосредоточено исключительно на личных переживаниях героев. А вот предыдущие романы — «1934» и «Человек, который смотрит» — посвящены общественным проблемам. В книге «1934» говорится о Гитлере, о нацизме, о фашистской диктатуре. В сочинении «Человек, который смотрит» речь идет о движении контестации, о терроризме и обо всем том, что сопровождало этот смутный период в жизни Италии. Во всяком случае мой интерес к социальной теме вовсе не уменьшился и не иссяк. И еще я хочу сказать одну вещь, которая, конечно же, заинтересует «Советскую культуру». По моему твердому и окончательному убеждению, левые движения, а также, естественно, и вся так называемая левая литература потеряли серьезный кризис именно благодаря атомной бомбе.

Почему так произошло? А потому, что сегодня в международной политике и вообще в международной жизни главной проблемой стала отнюдь не классовая борьба, а проблема выживания на земле человеческого вида, вообще проблема выживания человека. Именно эта проблема лежит сегодня в основе иностранной политики многих стран. В результате этого вопросы классовой борьбы вообще отошли на второй план.

В прошлом году на Западе отмечалось двадцатилетие «молодежной революции» весны 1968 года. Многие газеты и журналы, а также другие средства массовой информации, вспоминая эту «жаркую весну», замечали, что теперешнее поколение молодых не способно на такой взрыв протеста, который прокатился тогда по европейским странам. И поэтому называют сегодняшнюю молодежь поколением конформистов. Тогда на улицы западных городов вышли с планкатами и «бутылками Молотова» не только молодые рабочие, но и служащие, студенты, артисты. На венецианской биеннале молодые ху-

дожники протестовали так энергично, что власти вынуждены были вызвать полицию. Почему современная молодежь относительно спокойна? Может быть, уже решены все те проблемы, которые ее волновали?

Революции не совершаются ежедневно. Более того, настоящая революция может произойти раз в столетие. Сначала была Французская революция, потом прошло более ста лет, прежде чем пришла революция в Россию. Тот процесс, который мы называем 1968 годом, истощил силы целого поколения. По «вине» 1968 года и итальянская культура, и итальянская литература задержались в своем развитии на десять лет: вместо того чтобы создавать книги, многие занимались демонстрациями. Далее: в событиях 1968 года надо различать два момента. Первое — это явление контестации, которое было очень полезно, которое изменило весь тон социальной жизни, повлияло на связи, на отношения между родителями и детьми, между учителями и учениками, между начальством и подчиненными. Все эти виды человеческих отношений претерпели процесс демократизации. Есть и вторая сторона «медали 1968 года» — терроризм. Эту форму социальной аберрации я всегда осуждал. И если я всегда в основных чертах принимал движение 1968 года, то постоянно осуждал 1977 год (этот год был отмечен вылазками групп итальянских экстремистов правого и левого толка. — Прим. ред.).

Состояние нынешнего молодого поколения доказывает правоту моих слов о том, что революции не происходят каждый день. Одно поколение может обозначить собой историческую веку, а другое — уйти, не оставив никакого следа в истории своего народа.

Известна Ваша склонность к кино и к кинокритике. Недавно еженедельник «Панорама» опубликовал сообщение, что Вы участвуете в телефильме «Итальянцы» («Les italiens»). Опубликовали даже фото — Альберто Моравиа в костюме и гриме. Написано, что Вы исполняете роль Сатаны. Расскажите об этой своей работе.

Телефильм, о котором идет речь, рассказывает историю бродячей труппы «Итальянцы» («Les italiens»), которая приезжает в Париж. Действие происходит в столице Франции через сто лет после смерти Торквато Тассо. Комедианты играют спек-

такль в духе комедии дель арте, рассказывают историю этого мученика. Итальянцы как народ, как нация никакого отношения к этому фильму не имеют. Поставил фильм мой друг Умберто Сильва, и я действительно играю там роль Сатаны — но роль маленькую, появляюсь на экране всего на две минуты и произношу лишь две фразы: «Ах, женщины! Они — женщины!» Вот и все.

Вы имеете возможность следить за эволюционным развитием мира. Вы много видели, были свидетелем величайших исторических и социальных катаклизмов XX века, время которого уже на исходе. Что Вы могли бы сказать об эволюции человеческой культуры, какие надежды и какие разочарования рождаются в Вас меняющаяся ситуация на нашей планете?

XX век эволюционирует в направлении массовой культуры. Средствами распространения этой культуры во все больших масштабах становятся кино, телевидение, радио — в значительно большей степени, чем книга. Хотя сегодня и книга благодаря распространению дешевых изданий приобрела, если можно так выразиться, другое «лицо» — более доступное.

Да, торжествует дурной вкус, да, имеет место приблизительное, поверхностное отношение к культуре. У массовой культуры есть свой негативный аспект — примитивность, стало быть глупость, вызванная к жизни сложным комплексом проблем, который имеет и свое объяснение, и свое происхождение. Раньше, когда культура принадлежала аристократам, этих негативных моментов не было. Но с другой стороны, теперь каждый может реализовать свои таланты, имеет «право на культуру» и осуществляет это право в меру своих возможностей, которые в свою очередь обусловлены этим его талантом. Помню, однажды французские критики попенали своим русским коллегам за то, что, дескать, в Советском Союзе плохо экранизировали какой-то французский роман. Один из советских критиков остроумно ответил: «Наша революция покончила с капитализмом, но не с глупостью».

Мы вступили в эпоху «окультуривания» широких масс. Надо быть терпеливыми.

РИМ.